

Горюнов

Юрий

сборник

Хрупкая осень
Рыжая грусть

16+

Юрий Горюнов

Хрупкая осень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39415496

SelfPub; 2018

Аннотация

Любимая работа заменила ему семью, и лишь встречи с дочерью хранят следы прежней жизни. Случайная встреча не приносит в его жизнь изменений, которых он боится. И только дочь помогает превратить иллюзорную случайность в реальность. Только ненормальный может приехать на старое место, где живет его память, чтобы освободиться от нее. Но для Дениса это оказалось спасением, когда он встретил Асю – рыжеволосую девушку.

ХРУПКАЯ ОСЕНЬ

Хрупкая осень наших ошибок
Смотрит нам в лица, не видя улыбок.
Ей не понятно, зачем мы разбили
Счастье свое, если любили.

1

– Вот так вот! – чуть высунув язык от удовольствия, Светлана аккуратно надрезала колготки, в нескольких местах, но чуть – чуть, чтобы совсем не расползлись. Подняв их, посмотрев на свет, и оставшись довольна своим творчеством, произнесла: – Замечательно.

Наблюдавшая за ее действиями подруга Маша, что до сих пор молча сидела в кресле, недоуменно спросила:

– И что здесь замечательного? Были новые. Стали драные.

– Ты ничего не понимаешь.

– Это точно! Это выше моего интеллектуального уровня. Так поясни, зачем ты это сделала? Зачем тебе эта вентиляция?

– Это не вентиляция, а психологическая защита, – ответила Света и, видя в глазах подруги не исчезнувший вопрос, пояснила: – Я сегодня встречаюсь с Димой.

– И какая связь, между рванными колготками и свиданием? – на выдохе удивления поинтересовалась Маша.

– Самая, что ни на есть прямая, – ответила Светка и, положив колготки на подлокотник кресла, в котором сидела, повернулась к подруге. – Вот смотри. Мы сегодня встречаемся в кафе. Как будут развиваться события, я не знаю, но не исключаю, да просто не уверена, что он не предложит пойти ко мне. – Светлана замолчала, Маша ждала продолжения. – А мне этого не хочется, а там дальше сама понимаешь.

– А кто мешает просто отказать?

– Могу, конечно, но вот захочу, ли? Я слабая женщина.

– Ты!? Слабая?

– Ну, не слабая, – согласилась Света, – но все-таки женщина и одинокая. Надоело мне это все Маш, – после паузы продолжила Света, – Мне надоела такая жизнь. Хочется обыкновенного бабьего счастья. Я повторю, не просто женского, а именно бабьего, где все предельно ясно и просто без всяких там условностей, недоговорок и прочего. Мне тридцать лет, а я все одна. Дима не плохой мужик, даже хороший, но не тот, не для меня... У него, видите ли, мама, которую он слушается во всем, а пора бы уже думать самому, а не доверять свою голову для маминых мыслей и выводов.

– Да это так, – вбросила свое мнение Маша.

– Вот именно, а с другой стороны, одной еще хуже.

– Это, смотря с какой стороны посмотреть, маму он, видите ли, расстраивать не хочет. Он прекрасно знает, что вы не уживетесь. А тебя значит расстраивать можно? – поддержала подруга.

– Получается, что можно, – вздохнула Светка. – Он хороший и нравится мне, отчасти. Предложение делал, но я-то знаю, во что это потом выльется. Вот и думаю, что наши встречи надо прекращать. Не верю я в сказки типа «стерпится – слюбится». Вранье это. Ни у кого не стерпелось, если не слюбилось, и нечего себя обманывать, чтобы потом разводится. Это в старину все было иначе, выживаемость и зависимость от мужа. Сейчас времена другие, так что нечего терпеть. А что касается колготок, то я хочу себя обезопасить от большего, сведя встречу в кафе только к кафе. Мне же тоже хочется ласки, но когда-то надо начинать сокращать встречи и их назначение.

– Я все равно не понимаю связи.

– Видишь ли, драные колготки для женщины это все-таки то, что не показывают никому. Если стрела появилась, и никто не увидел, то и ладно. Я эти сегодня одену под джинсы.

– А не упреешь?

– Если что, потерплю. Так вот. Представь всю пикантность ситуации, как я буду выглядеть, если сниму вдруг джинсы перед ним вечером? И это я, которую он всегда видел только в секс-форме. Да я сгорю от стыда. Ни одна уважающая себя женщина, даже на пике возбуждения не допустит физической близости в таком виде, чтобы не потерять свое лицо.

– Ну, да, очень ему будет нужно твое лицо в тот момент.

– Ему может, и нет. А мне?

Маша посмотрела на подругу: — А знаешь, неплохо придумала, хотя колготки жаль. А есть более щадящий способ?

— А, — махнула рукой Света, — ради такого дела, чтобы противостоять собственному соблазну, можно и не жалеть. Тебе-то зачем? Ты замужем. Есть еще способ, он менее жесткий к бюджету, но в этом случае подбирать надо, а потом вернуть первоначальный вид комплекту.

— Так. Ты вообще, о чем говоришь? О каком комплекте?

— На тебе сейчас какое нижнее белье?

— Черное.

— Все?

— Конечно.

— Вот. А как ты себя будешь чувствовать, если ты разденешься перед мужчиной, а у тебя бюстгальтер и трусики разных цветов. Можно, конечно, пойти в ванную и вернуться обнаженной, но эффект соблазна, возбуждения, потерян. Могла бы?

Маша задумалась: — Теоретически, наверное, да, если мужик завел, но вероятность все-таки мала. Это, когда никто не видит, могу надеть, что угодно. А так нет. Наверное, это возможно при случайных связях, но, к счастью, мы с тобой не из этой когорты.

— Вот она простая житейская, бытовая защита женщины, если не хочешь быть доступной при встрече. Это легкий и беспроегрышный вариант защитить себя от своей же минутной слабости, чтобы ни при каких обстоятельствах не лечь в

постель. Если себя уважаешь, конечно.

– Даже не задумывалась об этом, – сказала Маша.

– А что тебе думать? Ты замужем, можешь переодеться, как тебе надо. Это мне одинокой надо о себе заботиться. Всякие отговорки могут и не сработать, которые придумаю для себя и сама же их нарушу. А так, как вспомню, что у меня драные колготки, извини, но мне надо домой, дела, в другой раз.

– Ну, не всегда же этим заканчивается?

Светка пожала плечами: – Не всегда, но меры предосторожности принять не помешает.

Обе замолчали. Каждая думала о своем, о том, что произнесенное вслух имеет свою реальность, при этом достаточно грустную реальность. Маша смотрела на это с точки зрения замужней женщины, а Света с точки зрения, которая для Маши была уже в прошлом, если подобные вещи могут быть в прошлом отдельно, без связи с настоящим.

Подруги сидели в квартире Светы, которая досталась ей от бабушки. Родители, хоть и не поощряли ее жизнь свободной женщины, но с пониманием отнеслись к желанию дочери жить отдельно. Ей нужна самостоятельная жизнь, а не существование под присмотром родителей. Квартира досталась двух комнатная. Света сделала в ней ремонт, обставила, отдав старую мебель кому-то на дачу. Теперь это была уютная квартира молодой женщины. От прошлого она оставила лишь черно-белые фотографии предков, что теперь висели

на стене в прихожей. Света их там повесила, чтобы входя в квартиру, они напоминали, что они у нее были и есть, а в комнате они будут подглядывать за гостями. «Вот будет семья, тогда и перевешу», – отвечала она, если кто спрашивал, почему в прихожей.

Квартира располагалась на третьем этаже старого пятиэтажного дома постройки пятидесятых годов. Потолки были высокие, а в совокупности со светлыми стенами салатного цвета объем увеличивался. Спальная была стандартна: большая кровать, шкаф, комод, две тумбочки по краям кровати. Светка спала по очереди на каждой стороне кровати для разнообразия. В комнате стоял диван, напротив него гарнитур, у стены напротив окна два кресла с торшером и между ними журнальный столик. В углу у окна – телевизор, который хозяйка смотрела, забравшись с ногами в кресло.

Сейчас на столике стояли две чашки с чаем, которые приготовила Света с приходом подруги.

Они дружили еще со школы. Что их держало вместе, обе никогда не задумывались, хотя характеры были разные: Маша, спокойная и рассудительная, Света эмоциональная, но рассудок тоже был при ней. Наверное, каждая находила в другой то, что не доставало самой.

– Странно все-таки устроена жизнь, – произнесла задумчиво Маша. – Вроде бы все у тебя есть, карьера, материальный достаток и внешнестью Бог не обидел, – Света была высокой стройной брюнеткой. Большие темно-карие глаза, тем-

ные, густые волосы спадали на плечи. Маша была крупнее, светло-зеленые глаза, русые волосы, – материально не зависима, квартира вот, – продолжила Маша и обвела взглядом комнату.

– *Удачная карьера – чудесная вещь, но к ней не прижмешься ночью, когда холодно*, – произнесла Света.

– Точно подметила.

– Это не я подметила, а Мэрилин Монро.

– Пусть так, и вот, вроде бы все есть...

– Вот именно вроде бы, – перебила ее Светка, – мужика нормального нет, так чтобы хотелось все делать для него, зная, что он придет и будет рядом, – и, помолчав, добавила, – просто потому, что он есть. И все. Не ища в нем положительных качеств, которые и так есть, раз любишь, а какие не стоит копать.

– Вот и я о том же, – поддержала ее подруга. – Куда они все смотрят?

– Маш! Да на фига мне все! Мне хватило бы одного, – засмеялась Света, – но своего. А куда они смотрят, я думаю тебе не надо объяснять. Я же замечаю их взгляды и вижу в них похоть.

– Что, у всех?

– Ну, слава Богу, нет. Есть еще те, кто смотрит, не раздевая, отдавая дань внешности, как реальности.

– Успокоила, значит не все так плохо и не все потеряно – тоже засмеялась Маша, – а то пройдет время и станешь

мужененавистницей.

– Надеюсь, что нет. Я их, в общем, люблю, но так чисто по-женски, как любят более слабых особей, зная их пороки и слабости.

– Тебе ли не знать, – поддакнула Маша. – Ты на их чувствах и нервах научилась играть, даже не фальшивя, не заглядывая в ноты.

– Ну как, не фальшивя, – возразила Света, – фальшивлю, просто они этого не слышат, принимая мои слова за небесную музыку.

– Что и Димка тоже?

– И он туда же, – махнула рукой Светка.

– Так он же тебе нравится, зачем фальшивить?

– Ну и что! Одно другому не мешает, да и нет перспектив в отношениях с ним, так что нет смысла играть по нотам. Все это временно, немного для души, немного для тела, чтобы уж совсем не очерстветь.

– Ну, до этого у тебя не дойдет, пока еще пользуешься вниманием.

– Вот именно пока. Время идет, подруга, и оно не придает мне юности. Морщинки у глаз приходится все чаще прятать.

– Что!?

– Да шучу. В меру придаю боевую окраску лицу. В каждом возрасте своя красота, надо только ее донести до окружающих, чтобы они поняли, что это красота, а не подделка.

– И не растерять по пути.

– И не растерять, – согласилась Света.

Их разговор проходил в легкой ироничной манере, к которой они привыкли в своем общении.

– А ты помнишь Сережку, в институте за тобой ухаживал, страдал, – напомнила Маша.

– Помню, а что это вдруг вспомнила?

– Да встретила его недавно. Не сильно постарел, правда, почти лысый. Он шел с ребенком.

– Ну, вот видишь. Ребенок есть. Значит, правильно я ему жизнь не стала портить. Нашел женщину, семья теперь. А лысый, так сейчас реже встретится мужчина с густыми волосами, чем лысый.

– Это верно. И куда у них волосы – деваются?

– Куда, куда! Во внутрь растут, мозги ищут. Хватит о них. Как у тебя дома?

– Все хорошо. Вот в выходной сумела заскочить к тебе.

Сегодня была суббота, и Маша, поехав по магазинам, заехала к подруге, оставив мужа дома, чтобы не мешал, а сын ушел в школу. Виделись подруги теперь реже. Раньше, когда Света жила у родителей, то виделись чаще, так как дома были не далеко, а теперь в разных районах.

– Ты у нас давно не была. Сергей спрашивает, почему не появляешься.

– Скажи, мужа ищу.

– Ага, так он и поверит, а если поверит, то тебе же хуже, начнет своих друзей предлагать. Но ты приезжай. Давай зав-

тра?

– Нет, завтра не смогу, хочу к родителям съездить, давно не была, да и брат придет. Лучше в следующую субботу.

Света посмотрела на часы, что стояли на столике, они показывали четыре часа.

– Пора собираться, в пять договорились встретиться.

– А почему в субботу? Он что из дома поедет?

– На работу ездил, разве он приедет в субботу из дома. А как же мама? Она всю неделю ждет, чтобы он ее по магазинам повозил. А я рада, что в субботу. Выходные – дни одиночества, к которому начинаешь привыкать.

– Вот и приезжай.

Света встала, открыла дверцу шкафа, посмотрела на свой гардероб.

– Как всегда выбор не велик и, – не особо утруждая себя выбором, достала джинсы, блузку и белую токую, ажурную кофточку, так как уже наступила осень, и тепло осталось в лете, а вечера стали уже прохладными. Взяла порезанные колготки и с усмешкой стала их надевать. Маша смотрела на ее потуги и тихо улыбалась. Когда полная экипировка закончилась, Света сказала: – Пошли.

Маша кивнула и поднялась из кресла. Перед выходом Света надела короткий бежевый плащ, подпоясалась, подчеркивая фигуру: короткие сапоги, джинсы в обтяжку не скрывали стройность ног, и покрутилась перед зеркалом. Маша молча оделась и дожидалась.

– Все, я готова, – заявила Светка, и, повесив сумку на плечо, открыла дверь.

Выйдя на улицу, Света предложила: – Давай я тебе доведу?

– А давай, если время есть.

– Что-что, а время у меня есть, если и опоздаю, подождет. Мне время некуда тратить, разве что на себя, поэтому буду рада отдать часть тебе.

В интонации Светланы не было грусти, она не плакалась на свое одиночество, как могло показаться. Оно ее не обременяло. Она даже привыкла самостоятельно принимать решения, заботиться о себе. Плохо это или хорошо, она не думала, принимая это, как факт текущего состояния, и все ее разговоры о мужиках и том единственном, не были мольбой, сожалением. Это был просто разговор и Маша ее понимала. Светка была сильной женщиной и не любила жаловаться на свою жизнь, хотя, как понимала Маша, порой той было грустно вечерами.

Раньше Маша пыталась ее знакомить, но быстро поняла, что это неблагоприятное занятие, и прекратила; она не хотела потерять подругу. Света никогда не упрекала, что Маша пытается выступить в роли свахи, но та сама все поняла, и даже строго наказала мужу, чтобы забыл об этом. Так, с тех пор они и встречались, но без знакомств.

Когда они вышли из дома, Света посмотрела на бледно-голубое безоблачное осеннее небо, которое было видно из ко-

лодца двора, что создавали дома. Ветра не было, солнце со двора не просматривалось, но оно чувствовалось, относительной теплотой последних дней, чуть освеженное первыми признаками предстоящих холодов. Жара отступала.

Подруги подошли к белому «Ситроену». Положив сумку на заднее сиденье, Света села за руль, а Маша расположилась рядом. Достав мобильный телефон, Света включила его, на режим «свободные руки», чтобы если позвонят, разговор вести через динамик, что был закреплен на солнцезащитном козырьке.

– Не люблю занимать руки во время движения, кроме того, что необходимо. Бесит иногда, когда едут не спеша, разговаривают и занимают полосу, создавая пробку. Ну, встань к обочине и наговорись. Да, ладно, что это я разворчалась. Старею, наверное.

– Не иначе, – согласилась Маша.

– Сама-то, не моложе меня.

– Так и я ворчу, бывает.

– Ты ворчишь на своих, а я на себя и на чужих.

– Ну, когда на себя, значит, не все потеряно. Самокритика бывает полезна.

– Конечно, если понимать, что корень в слове «критика» не от слова «кретин».

Света выехала со двора, ведя машину спокойно и уверенно. У нее был «мужской» стиль вождения: резкий, но в то же время разумный. Хотя сейчас трудно найти грамотного

водителя, не зависимо от пола. Главное в ее стиле вождения было то, что она не думала, как она смотрится в машине. Она ехала и все. До дома Маши доехали быстро, минут за двадцать.

– Передавай своим привет, – сказала Света на прощание.

– А ты не забудь, что в субботу у нас.

– А ты позвони и напомни, – парировала Света, – у меня память молодая. Девичья. Вдруг кто вскружит голову и забуду.

– То-то ты защиту придумала девица, наша, – засмеялась Маша и вышла из машины.

– Была девица, да осталась в прошлом, – посмотрела Света на себя в зеркало заднего вида, – но женщина стала очень даже ничего, – сказала она своему отражению, и, подмигнув, улыбнулась. – Ну, что поехали навстречу своему призрачному счастью? – Знала бы она, насколько пророческими будут ее слова, но насколько все будет тяжело.

Она отъехала, и направилась ближе к центру города, где договорилась встретиться с Дмитрием в ресторане «Бастин-он». Зазвонил мобильный, и она, нажав кнопку, ответила:

– Слушаю.

– Привет, дорогая, – раздался в салоне машины голос Дмитрия. – Я уже на месте.

– На чем?

– На своем, но хотелось бы...

– Я знаю, что тебе хотелось бы, – перебила его Света, –

для этого не надо много ума.

– Трудно разговаривать с умной женщиной.

– С умной женщиной трудно жить, она не только чувствует вас мужчин, она вас еще и знает.

– Неужели, ты так хорошо знаешь мужчин?

– Хотелось бы лучше, но не получается. Может быть мне не приезжать? Поговорим по телефону.

– Да ты что!

– А что тогда звонишь? Я скоро подъеду.

– С нетерпением жду встречи, но все понял, не буду отвлекать, – и связь прервалась.

Да, уж отвлекать не надо, – подумала она, – но порой хочется, чтобы отвлекли от суеты.

Света ехала на встречу, потому что не хотела сидеть дома одна. Дмитрий, которому было тридцать пять, и он ни разу не был женат, ей нравился, но не более, и сегодняшнее ее решение одеть рваные колготки под джинсы – была попыткой отстоять свое я. Она не поддавалась уговорам Дмитрия на более частые встречи, но и простые человеческие слабости ей были не чужды. Дмитрий предлагал ей замуж, но она отшучивалась, говоря, что ее жизненный путь – путь старой девы,

Света на самом деле хорошо к нему относилась, но не любила, а ей хотелось чувств. Глупо, наверное, ждать чувств, когда время неумолимо ведет к старости, но она была в этом отношении мечтательницей, хотя знала, что придет время и

она должна будет сделать выбор между одиночеством и сделкой на хороший брак, что не самое плохое решение.

Мама Дмитрия не очень поощряла свидания сына со Светой. Она видела в ней конкурентку на влияние сына. Света это знала и понимала, что та будет всегда вмешиваться в их жизнь. К тому же, Света не могла понять, почему он разный: дома тихий и послушный, а на работе самостоятельный руководитель. Тем не менее, в быту он был типичным маменькиным сынком. Вот видя эти два характера в одном человеке, Светлана не была готова к замужеству с ним.

В начале шестого, она припарковала машину в переулке, в сотне метров от ресторана «Бастион».

2

В то утро Андрея разбудил звонок будильника, который он завел на шесть утра. Немного полежав, просыпаясь, он поднялся и направился на кухню, где первым делом дал корм коту Кузе, сменил ему воду на чистую, поставил кипятиться воду для кофе, и отправился в ванную. В зеркало на него смотрел уже не совсем молодой мужчина, но еще в хорошей физической форме. Приняв душ, он побрился, всмотрелся в свое лицо. «Устал ты Андрей, отдохнуть бы тебе», – отметил он про себя, заметив синеватые тени под глазами. – «А что будешь делать? Да ничего, просто отдыхать», – мысленно задавал себе вопросы и сам на них отвечал.

Потом сварил себе кофе и сидя за столом у окна, смотрел

на улицу, где уже рассвело – начинался новый день.

Воспоминания, которые он не звал, пришли сами. Он вспомнил свою дочь – Настю, которой было десять лет, и по которой скучал. Уже пять лет она жила с его бывшей женой, Верой. Андрей виделся с дочерью, жена не препятствовала, их встречам. В том, что они расстались, он винил только себя, вернее, лишь за то, что дочь живет отдельно, понимая, что причина развода была в нем. Он очень много работал и мало уделял времени семье, и не выдержала семья, распалась. Слишком много времени он уделял больным, и слишком мало семье.

К своим тридцати семи годам Андрей был уже признанным хирургом. Еще с института он ассистировал профессорам, а сейчас у него у самого была обширная практика, как в больнице, где он работал, так и консультации, операции в других клиниках, в том числе и частных, также и за границей. Материально он был обеспечен. Работал, как вол, а что еще оставалось делать, оставшись одному? Но признание не сказалось на его личных амбициях, он не болел тщеславием, а результатом его работы стало то, что среди его знакомых было много известных личностей.

Его не считали за Бога в хирургии, но считали, что тот к нему прикоснулся. Сам Андрей почти ни во что не верил, кроме медицины. Его любили, уважали пациенты за то, что он умел сочувствовать. Каждая операция для него была, как операция близкому человеку. Он находил добрые слова, по-

могал справиться с болью, давал веру в новую жизнь, но это все для других, сам он был не способен следовать советам, что давал им. Он каждый день убеждал пациентов, что раны заживут, но ничего не говорил о душевных ранах, которые не заживают, их нельзя исцелить. Это касалось его прежней семьи. Со временем боль разлуки утихла, но шрамы остались, и его встречи с дочерью были тем ярким светом в его однообразной одинокой жизни, порой достаточно серой и унылой.

Андрей тряхнул головой, отгоняя грустные мысли. «Хватит жить воспоминаниями» – сказал он себе. Пустота, после развода, что накопилась в нем, уже прошла, он заполнял ее работой, но покоя так и не получил, потому что в душе поселилось одиночество, которое он старался занять.

Поставив бокал в мойку, он наказал коту вести себя хорошо, вышел из дома, и вскоре он выехал со двора на большом внедорожнике. Андрей не очень заботился, что у него однокомнатная квартира, правда, с большой кухней, он же в квартире почти не бывал, а вот транспорт должен быть надежным, ему приходилось ездить по городу.

В половине восьмого он уже был в больнице. Сегодня была назначена сложная операция, а потом у него была встреча с дочерью, договорились с Верой заранее.

Андрей шел по коридору, погруженный в свои мысли, настраиваясь на операцию. Без веры в успех нечего было вставать к операционному столу. Проходя мимо ординаторской, дверь которой была приоткрыта и, остановившись прочи-

тать что-то на доске объявлений, он услышал разговор девушек-интернов:

– Сегодня операцию проводит Шухов. Такой классный мужик.

– Даже не думай, шансы сведены к нулю.

– Так он же не женат!

– Хуже, он женат на своей работе, а с ней его не разведешь.

Его мало задевали подобные разговоры, он не поддавался на лесть, как и то, что его было трудно вывести из себя. Если кто-то грубил ему, то он не обращал на это внимания, считая, что это сделано не умышленно и не относится лично к нему, что бы оскорбить. Его самообладанию завидовали, он не был строг, но к себе предъявлял повышенные требования.

Андрей усмехнулся и, вспомнив об отдыхе, пошел дальше. По пути он зашел в палату, где лежала пациентка, которой завтра предстояла сложная операция. Она лежала на кровати и смотрела за окно, в которое проглядывало утреннее солнце, первых осенних дней.

Услышав, что кто-то вошел, она повернула голову и увидев Андрея, села в кровати. Андрей видел, ее бледное лицо, понимая, как той тяжело. Коллеги считали, что он рискует, решившись провести операцию, но он хотел использовать пусть один шанс из ста, из миллиона. Без удачной операции она была обречена.

Он взял стул и сел напротив: – Как вы себя чувствуете?

– Так же как и всегда, хотя сегодня даже чуть лучше. Так,

говорят, бывает, когда стоишь на пороге смерти.

– Что за разговоры. До смерти вам еще далеко. Вам сорок?

– Да.

– Ну, вот видите.

– Думаете, будет потом лучше?

– Будет, – уверенно заявил он. – Откуда у вас такой пессимизм? Есть какие-то сомнения?

– Нет, что вы! Я вам, верю...но я боюсь, – призналась она.

– А вот этого делать не надо. Я всего лишь врач, который знает, что надо делать и как, но организм ваш, и если вы не настроитесь, то он будет сопротивляться и мешать мне. Чего вы боитесь? Все будет хорошо. Поверьте в это и все. Не надо себя накручивать, – он посмотрел в ее широко открытые глаза, в которых был испуг и надежда, – я знаю, что трудно не думать об этом, но надо попытаться отвлечься чем-нибудь.

Заметив книгу на тумбочке, спросил: – Ваша?

– Моя.

– О чем?

– О любви.

– Это хорошо. О хорошей любви?

– Не знаю, я только начала читать. А разве любовь может быть плохой?

– Верно, не может, она всегда дает силы. Вот и читайте, проникаясь мыслями, что все хорошо. Так будет и у вас. – Андрей поднялся: – Не унывайте. Вы мне верите?

– Да.

– А я верю в вас и вместе мы справимся. Сегодня без посетителей. Знаю я вас больных, начнете разговоры, что да как. Читайте. Хорошо?

Она согласно кивнула головой. В палате было еще две женщины, и чтобы не оставлять их без внимания, он уделил время и им, а минут через пять вошел в свой кабинет. Сразу за ним следом вошла старшая медсестра Таня:

– Андрей Семенович, больного к операции подготовили.

– Хорошо, сейчас иду. В палату 42 заглядывай, что-то не нравится мне настроение женщины, что завтра на операцию. Посещение родственников я запрещаю. Пусть отдыхает.

– Хорошо.

– Противопоказания учли?

– Да.

– Кто мне помогает?

– Как всегда Елена Сергеевна.

– Все, иди, я сейчас буду.

Она вышла, понимая, что перед операцией ему нужен покой, чтобы настроиться. Андрей же оставшись один, вспомнил о Насте, и ему стало легко от предстоящей встречи. Затем поднялся и, выйдя из кабинета, направился в операционную.

Операция длилась почти пять часов. Во время операции надо было прочистить засорившуюся артерию, поэтому особое внимание уделялось – выдержит ли сердце. Все прошло удачно.

Вернувшись из операционной в свой кабинет, Андрей сел на диван, что стоял возле стены, налил в стакан воды и с жадностью выпил. Он старался перед операцией ничего не есть и как можно меньше пить, а во время операции лишь смачивать губы.

Затем прошел к столу, где лежали истории болезней, и стал их просматривать, до встречи с дочерью время еще было.

Вошла Таня и встала перед ним.

– Доктор, ваше время вышло. Вы сделали сегодня все, что было необходимо.

– Да, да. Сейчас посмотрю и все.

– Вас надо лечить самого от работы, – и отобрала у него папку с историей болезни. – Идите домой.

– Я сегодня встречаюсь с дочерью.

– Тем более. Вы когда были в отпуске?

– Давно. Сегодня думал об этом.

– Надо не думать, а идти и отдыхать. Уехать в какую-нибудь глушь.

– Я подумаю.

– Идите, Андрей Семенович, идите.

Он послушно поднялся, снял халат, набросил куртку и вышел из кабинета, Таня за ним.

Она стояла и смотрела ему вслед, как он идет по коридору: высокий, широкоплечий и усталый.

– Любуешься своим шефом? – спросила подошедшая де-

журная медсестра.

– Жалею. Хороший мужик, а один. Отдыхать ему надо, устал он. Вон мешки под глазами.

– Да отдыхать надо, но к нему очередь.

– Эх, Надя. Очередь может и подождать. Кто их будет лечить, если он надорвется.

– Жениться бы ему, пришел домой в уют. А так куда?

– Не каждая сможет жить при его режиме.

– Ну, хоть встретился бы кто.

– Ну, это не наше дело. Что стоишь? Пошли работать.

Андрей вышел из больницы, подошел к машине и направился к парку, куда должна была подъехать Вера с Настей. Приехал он раньше и, разместившись на скамейке, у входа, наслаждаясь солнечным теплом, под голубым небом без облаков, стал дожидаться. «Бабье лето наступает» – подумал он, – Хорошее время года».

Через полчаса подъехала машина, из которой выскочила Настя, и устремилась к отцу. Он поднялся, и когда она пробежала, широко распахнув руки, подхватил ее и закружил. Подошла Вера.

– Привет.

– Привет.

– Андрей, Настя сегодня не может долго, нам потом к зубному.

– Да, папочка, такие вот дела.

– Хорошо. Зубы надо лечить. Как у вас дела? – обратился

он к Вере. Перед ним стояла стройная, миловидная, светло-волосая женщина. Андрей отметил, что выглядит она хорошо, но ничто в нем не шевельнулось. Все было в прошлом. Он даже не смог бы сказать, любил ли он ее. Наверное, да, но уже не сейчас.

– Все хорошо, спасибо. А ты устал, – заметила она.

– Операция была сложная. Ну, мы пойдем и так у нас времени мало. Куда ее подвезти?

– Я сама приеду сюда через час.

Андрей и Настя повернулись и направились в парк. В течение времени, что у них было, они гуляли по парку, сидели на скамейке кормили птиц, ели мороженное. Андрей поинтересовался, как дела в школе, дома. Вера три года назад вышла замуж, Андрей, когда узнал о ее намерении, долго настаивал дочь, на изменения в ее жизни, и ему это удалось. С мужем Веры у Насти сложились хорошие отношения, но она не называла его папой, а тот, надо отдать должное, не настаивал. Андрею было спокойно, что Настя живет в полноценной семье, а не просто при маме. Этого он дать ей, увы, не смог.

– Ну что ты все спрашиваешь. А как у тебя дела? Расскажи. Я же тебе рассказываю.

Андрей усмехнулся и прижал дочку к себе рукой: – Хорошо живу дочка, но вот по тебе скучаю. А так много работаю.

– У тебя сложная была операция?

– Сложная.

– Больной будет жить?

– Обязательно.

– Пап, а тебе не страшно делать эти операции Ты же решишь людей.

– Интересные вопросы ты задаешь. Нет, Настя, не страшно. Уже привык, но я не могу себе позволить ни бояться, ни волноваться. Вот ты, когда волнуешься, пишешь хуже. А вот представь себе, если вместо ручки у меня скальпель. Что тогда?

– Брр, – поежилась Настя.

– А резать? Иначе бывает нельзя, я должен быть спокоен, приходится, чтобы помочь больному.

– Ты их жалеешь?

– Жалею, как без жалости к ним. Но это не та слезливая жалость. Ты когда видишь животное, ну, там кошку, собаку с пораненной ногой, тебе их жалко?

– Конечно. Мне хочется что-то сделать, чтобы им было легче.

– Вот и моя работа в том, чтобы потом больным было легче. А что это ты стала интересоваться медициной?

– Да вот думаю, может стану врачом

– Эх, ты. Врачом надо не становиться, им надо быть. Если хочешь, возьму тебя в больницу, покажу.

– Договорились. Пап, а ты хороший врач?

Андрей внимательно посмотрел на дочь: – Настя, странные у тебя сегодня вопросы. Я не знаю, хороший или нет, я не думаю о том, что обо мне говорят. А почему ты спросила?

– Меня учительница по русскому языку спросила: – Шухов Андрей Семенович родственник мне? Я ответила, что ты мой папа, – она произнесла это с гордостью, что ее отец известен. Андрей был благодарен Вере, что она не настаивала на смене фамилии дочери, и она осталась Шухова Анастасия Андреевна.

– Не думай об этом дочка. Когда люди ждут похвалы, в моей профессии, в них умирает врач. Больные это чувствуют. Все пойдем дальше.

Они прошлись по ближайшим улицам, зашли в магазин, где купили новый пенал и вернулись к входу в парк, где их уже ждала Вера.

– Мам, – обратилась к ней Настя, – в следующий раз подольше погуляем. Папа обещал взять меня в больницу.

– Зачем?

– Показать.

– Ну, раз обещал, то пусть держит слово. Нам пора.

– Пап, ты не расстраивайся, еще увидимся.

– Конечно.

Они попрощались, Андрей стоял и смотрел вслед машине, пока она не исчезла из вида. Домой идти не хотелось, хотя там его ждал сожитель кот – Кузя, которого он подобрал котенком. Затем сел в машину и начал бесцельно ездить по улицам. Домой еще успеет, как и выспаться, операция назначена на завтрашний вечер, только днем надо заехать в другую клинику для консультации.

Поездив по городу, он решил пройтись пешком, и, поставив машину в одном из переулков, пошел по улице, рассматривая архитектуру старинных зданий.

Возвращался он по другой стороне улицы, когда вечер уже стал накрывать город. Проходя мимо ресторана «Бастион», он вспомнил, что сегодня ничего не ел, но представив, что придется сидеть и ждать, заказывать, отказался от этой затеи, решив, что поест дома, тем, что есть в холодильнике. Едва отошел от ресторана, как его обогнала женщина, которая разговаривала сама с собой. Она была стройной и высокой. Он, из простого человеческого чувства, видя в ней в первую очередь, человека, который чем-то обеспокоен, который называет себя душой, спросил:

– Девушка, у вас все в порядке? – и когда она обернулась, заметил, что она красива, но это было в данный момент просто констатация факта.

3

Света вошла в зал ресторан, и сразу увидела Дмитрия, который встал из-за столика, чтобы она его заметила. Она не спеша пошла к нему. Ресторан был вместительным, уютным и располагался в старинном здании. Потолки были сводчатые и дугой спускались к полу, который был из темно-коричневых плит, но покрыт коврами дорожками, что заглушало шаги. Стены до половины были отделаны бежевой тканью с рисунком в мелкий ромбик. Выше декора висели

ретро-фотографии. В одном из залов была изразцовая печь. Толстые портьеры частично закрывали витражные окна, так, что ни улицу, ни с улицы ничего не видно. Тяжелые люстры свисали с потолка. На барной стойке стоял большой самовар с вязанкой бубликов. В углу стояло старое пианино.

Весь внутренний вид был в стиле старого купечества. Солидность придавали массивные стулья и столы. Вся обстановка как бы требовала тишины и спокойствия. Посетители говорили тихо, и легкая музыка покрывала их разговор. Между столиками ходили официанты в белых блузах, темных брюках и длинных белых фартуках. В ресторане не было специального гардероба и посетители вешали одежду на стоячие вешалки, что располагались по углам каждого из трех залов.

Дмитрий занял столик на двоих у окна: – Добрый вечер, дорогая, – приветствовал он ее, помогая снять плащ, который тут же отдал расторопному официанту. Отодвинул тяжелый стул и помог ей сесть.

– Ты что такая агрессивная сегодня? – Спросил он, усаживаясь напротив.

– Почему ты так решил?

– Мне так показалось, когда мы разговаривали по телефону.

– Ты же знаешь, я не люблю разговаривать по телефону, когда за рулем.

– Ты голодна? – сменил он тему. – Я, так жутко голоден.

Днем пообедать не удалось.

– Я вообще удивляюсь, что ты сегодня сбежал из дома.

– Почему сбежал? Я работал.

– Я-то это понимаю, но понимает ли твоя мама?

– Давай не будем о маме.

Света пожала плечами, показывая, что ей все равно. Подошедший официант подал каждому меню, в коричневом кожаном переплете и отошел. Оба погрузились в изучение предлагаемых блюд, и минут через пять Дмитрий подозвал официанта.

– Суп гороховый в ржаном горшке, печень по-расплюевски под грибным соусом. Это мне. Даме – салат с раковыми шейками, форель с зеленым маслом в сливках. На общем блюде буженина с особыми приправами томленая, под ядреным соусом, отварной картофель с маслицем. Квас брусничный сейчас. Мне еще сто граммов водки. Да, и так что-то из солений – ассорти. На десерт штрудель яблочный "Боярский" с корицей, мороженное и кофе латте.

Когда официант ушел, Дмитрий обратился к Свете: – Я спиртное взял на одного, ты же за рулем. Правильно сделал?

Она кивнула головой в знак согласия. Света внимательно смотрела на Дмитрия, пока он делал заказ, и мысли крутились в голове. Она умом понимала, что вот перед ней сидит мужчина и не плохой. В меру симпатичный, не обрюзгший, хорошо и со вкусом одет, правда, вероятно, это заслуга его мамы, но в этом Света была с ней солидарна. Дмитрий

был смуглый, среднего роста, в темных волосах уже проби-
валась седина. Умные, живые глаза. «Ну что тебе еще надо? –
спрашивала она себя. – Чем он то плох? Да вот в том то и
дело, что не плох, а душа не лежит, какой-то правильный,
старается всегда угодить. Как он управляется на работе? Хо-
тя возможно на контрасте и работает, что не позволено до-
ма, то можно на работе. Душа не лежит? В постели ты ле-
жишь и о душе не думаешь, – укорила она себя. – Только
там о душе и думать, – усмехнулась она внутренне. – Я же
обычная женщина и мне тоже хочется внимания, но не та-
кого угодливого. Получается, тебя больше устраивают с ним
кратковременные встречи, для удовлетворения сексуальных
потребностей. Вот именно, а жизнь состоит не только из это-
го. Отстань, – сказала она себе, – не лежит душа. Но, пожа-
луй, надо все-таки причаливать к берегу, и Дмитрий не са-
мый плохой вариант, а с мамой и душой можно разобраться,
но не сегодня.

– Ты о чем задумалась? – вывел ее из размышлений его
голос.

– Не о чем, а о ком. О тебе.

– Поделись, что ты обо мне думаешь.

– Да то, что ты не плохой мужик, – искренне ответила Све-
та.

– Это уже комплимент. Но что-то в твоём голосе настора-
живает.

– Не бойся. Правильный ты, Дмитрий.

– Это плохо?

– Не знаю, – пожалала она плечами.

– Свет, ну если я такой правильный, значит и наша совместная жизнь будет размеренной и правильной. Ты же знаешь, что я тебя люблю, но вот пока нет ответной реакции.

– Дима, а как же мама? Что она скажет относительно меня? Она ко мне не с восторгом относится.

– Это верно, – согласился он, – но переживем.

– Кого? Маму! Это вряд ли. Во всяком случае, не я, – засмеялась Света.

В это время принесли заказ. Света спросила, указывая на горшок, что поставили перед Дмитрием: – Это что?

– Это гороховый суп. Горшок сделан из хлеба. – Он поднял крышку, – видишь, – и отломил от нее кусочек, – ее можно есть. Стенки горшка такие же.

– Ни разу не видела. Интересно.

– Хочешь, закажем.

– Нет, я не так голодна.

Они приступили к еде, прерывая трапезу ничего не значащими разговорами: о погоде, о том, что наступила осень и не успеешь порадоваться ей, наступит зима.

Когда принесли десерт и кофе, Дмитрий, потягивая напиток спросил:

– Сегодня едем к тебе?

– Тебе придется поздно возвращаться домой, – начала она оборону.

– И что! Я взрослый мужчина.

– Ты так думаешь? – ехидно спросила она.

– Обижаешь, – голос его звучал ровно, и в нем не было обиды, что ее и расстроило. Хоть бы обиделся что ли.

– Ну, а как же мама? Она же будет постоянно звонить, и интересоваться где ты? А ты говоришь о женитьбе.

– А я от нее сбегу.

– Куда? До порога? Даже если тебе удастся пройти дальше, то она позвонит и сообщит, что у нее плохо с сердцем, и ты побежишь назад. Что, так и будешь бегать? Я удивляюсь, как ты руководишь. – Света откровенно издевалась над ним. И это будущий муж? – спрашивала она себя. Да я взвою от такой правильной жизни. Это только, кажется, что такая жизнь хороша.

– Я не ошибся, – ответил Дмитрий, не повышая голоса. – У тебя сегодня плохое настроение.

– Нормальное.

Света действительно чувствовала себя спокойно. С одной стороны она не прочь была провести вечер в его компании, а с другой она себя начала настраивать еще раньше, что продолжать отношения так долго не сможет. Надо будет принимать решение, а принимать не хочется.

– Свет, я соскучился, – глядя на нее произнес Дмитрий, – давай поедem?

– Еще не вечер, я подумаю, у меня есть дела, – ответила она и вспомнила о своих драных колготках. Конечно, мож-

но переодеться в ванной, но тогда зачем было их резать? Не можешь устоять? Что-то не похоже, чтобы я сопротивлялась, хотя сильного сексуального желания нет, так что-то.

– Но не утро же, – подвел он итог.

Они пили кофе, и наступила пауза. Дмитрий ждал, что скажет Света. Она ему нравилась, очень, но вот никак не принимала предложения выйти за него замуж. В глубине души он понимал, что Света с мамой не уживутся. Это его беспокоило. Беда была в том, они обе были самостоятельными женщинами, даже в чем-то властными, обе эмоциональными, и каждая привыкла жить по своим правилам. Здесь они не уступали друг другу. Дмитрий переживал, но ничего не мог исправить, рассчитывая, что Света, как более молодая уступит и все срастется. Сейчас он действительно хотел поехать к ней. Ему нравилась ее упругая шелковистая кожа, нравилось ласкать ее.

– Так у тебя может... – неуверенно спросил он и чуть покраснел.

– Нет у меня ничего, – смеясь, ответила она.

– Что совсем? И куда все делось?

– То, что нажито трудом и дано природой, все при мне. А то, о чем ты мог подумать, то еще не приобрела.

«А может быть послать все к черту, все эти условности, – подумала она, отдаться и насладится. Сама создала проблемы, а теперь вот решай. И что скажет Машка? Что не устояла? А какое ей дело до этого? Нет уж, сегодня устою, посижу

в одиночестве, в конце концов, я не озабочена. Надо только уйти одной, чтобы не провожал».

– Ну, так что? Едем? – сделал вывод Дмитрий, видя ее размышления.

– Нет, Дим. Я очень рада тебя видеть, но сегодня я вечером должна быть у родителей. Они просили приехать. Может быть, ночевать у них останусь.

– Это правда?

– Конечно, – глядя ему в глаза, солгала она

– Тогда ладно, – вздохнул он.

«Вот и весь ответ, даже не стоит, чтобы проводить, даже если я к родителям», – подумала она про себя.

– Извини, Дим, я поеду, – и Света встала из-за стола.

Дмитрий тоже поднялся, сходил за ее плащом, помог одеться.

– Может быть тебя подвезти? – предложила она.

– Не надо, я посижу еще, а потом доберусь на такси.

– Не обижайся.

– Не уверен, что получится, но я попытаюсь.

Света поцеловала Дмитрия в щеку: – Не провожай меня, – и направилась к выходу, чувствуя на себе его взгляд.

Выйдя их ресторана. Она свернула направо к переулку, где оставила машину. Шла она быстро.

– Ну и дура. Что тебе еще надо? Сама себя загоняешь в угол, а потом ищешь из него выход. Нормальный мужик, любит, а ты взбрыкиваешь. Нет, чтобы провести с ним вечер,

в тишине, в спокойствии. И что будешь делать сейчас? Чего ты добиваешься? Что хочешь? Ты хоть сама себе скажи, а еще лучше напиши и прочитай. Дура, и есть дура.

– Девушка у вас все в порядке? – Вдруг услышала она голос за спиной, и, вздрогнув, остановилась, обернувшись. На нее смотрел мужчина лет тридцати пяти или чуть больше, выше среднего роста, широкоплечий. Кротко стриженные волосы, правильные черты лица. Он не был красавцем, но и не был уродом. Света обратила внимание на его темно-серые глаза, которые, как ей показалось сначала, смотрели на нее участливо. Она оценила и его одежду, все было скромно, но достойного качества: белые кроссовки, джинсы, рубашка, куртка.

– А вам то что?

– Если, в общем, то ничего, – голос его был ровным, – но вы обогнали меня и разговаривали сами с собой, называя себя дурой.

И тут она поняла, что задумавшись не заметила, как стала разговаривать сама с собой вслух.

– А что это не так? Раз я разговариваю вслух сама с собой.

– Не могу сказать точно, но думаю, что нет. В психбольнице не бывает открытых дверей.

– Я не буйная и меня отпустили.

– Тоже вариант.

Она вдруг поняла, что его взгляд не был участливым, он был обволакивающе спокойным. В его глазах было спокой-

ствие мира. Это был взгляд мужчины, готового предложить свою помощь красивой женщине, хотя наверняка любой. Он видел в ней даже не женщину, а просто человека, который чем-то обеспокоен. И все. А это было не мало.

– Ладно, не ваше дело, какая я, и что думаю о себе.

– Согласен, но не надо думать о себе плохо, постарайтесь переключиться на добрые мысли.

– А если их нет? Знаете, идите куда шли. Я сама разберусь, как мне разговаривать, вслух или про себя. Не надо мне вашего внимания и заботы.

– Моего, может быть и нет, но в целом это необходимо человеку. Успокойтесь.

– Вам что поговорить не с кем? – сделала она предположение.

– Не с кем, – признался он, чем удивил ее.

– Но я не ваша собеседница, найдите другую дуру.

– Да где же я ее здесь найду, – засмеялся он. Смех его был по-детски добрым: – Как выяснилось в пределах видимости вы одна здесь такая, и в этом признались.

Поняв, что она сказала глупость, Света несколько смягчилась, хотя первоначально восприняла его жестко, как любителя знакомится, а она не любила уличных знакомств, хотя он и не делал попытки, познакомиться. Он вывел ее из внутреннего мира и вернул в реальный.

– Извините, за жесткость, вы правы. Спасибо, что отвлекли. Всего доброго, – повернулась и пошла дальше.

Подойдя к машине, она открыла ее и сев за руль, завела, но трогаться не торопилась. «Действительно, что это я вышла мыслями из себя?» – пронеслось в голове. Света смотрела через лобовое стекло на проезжающие машины. Мысли ее были и о Дмитриии и о случайной встрече. Тут света услышала легкий стук в стекло, повернув голову, она увидела, что рядом с машиной стоит тот самый мужчина и смотрит на нее. Опустив стекло, она спросила, в некотором раздражении:

– Что еще? Опять разговаривала? Знаете, не ваше это дело. Ясно? Или решили познакомиться? – с издевкой спросила она. – Красивая женщина, одна, как про себя говорит, дура, так может быть... – не стала она заканчивать фразу, вкладывая в нее двусмысленность.

– Как много вопросов? Красивая? Да. А на счет может быть, я не по этой части.

– Неужели вы...

– Вы не правильно поняли. Я не сторонник случайных связей, но я что подошел. Вам лучше не ехать самой. Оставьте машину здесь, а потом заберете. Мало ли что случится, отвлечетесь на свои мысли – авария.

– А вам что за дело?

– Мне как раз есть. То, что вы сами себя угробите – ваше дело, хотя жаль, а если других? Лечить потом мне

– Так вы врач. Психиатр?

– Хирург. Но это не так важно. Послушайте, что я вам сказал.

Светлана задумалась. Она сама была сторонницей правильной езды. В чем-то он был прав.

– Машину жалко бросать, – посетовала она.

– Давайте я вас довезу.

– А страховка на меня.

– Поедем осторожно, а права у меня с собой.

– Покажите.

Он достал из внутреннего кармана куртки водительское удостоверение. Там она прочитала – Шухов Андрей Семенович и вернула ему. Некоторое время она колебалась, но потом, открыв дверь, вышла из машины. Если бы кто ее спросил, почему она это делает, то она не смогла бы ответить, и не только сейчас, но и потом не могла понять своего решения. Она видела его глаза и почувствовала, что он не может обмануть, хотя чувства были зыбкими и в голове крутилась мысль «дура, она и есть дура».

Света возвращает документы, открывает дверь, внимательно смотрит на Андрея, видит его участливый взгляд не торопясь выходит из машины, освобождая водительское место. Обходит спереди машину и садится на переднее пассажирское сиденье. Андрей садится за руль. Они отъезжают. В дороге Света иногда мельком смотрит на Андрея. Оба молчат. Вдруг на одной из улиц им машет жезлом сотрудник ГИБДД, появившийся из ниоткуда, требуя, остановится. Андрей останавливается.

– Ну вот, так я и знала, – вгорячах сказала Света. – Теперь

еще машину отберут. Связалась с вами.

– Успокойтесь, – ответил Андрей и вышел из машины. Подойдя к инспектору, он что-то ему стал говорить, а потом достал телефон и позвонил. Через некоторое время, передал телефон инспектору и тот, выслушав, кивнул головой и что-то сказал Андрею. Тот вернулся, и они поехали дальше. В лобовое стекло проникали последние лучи уходящего дня.

– Значит вы хирург, Андрей Семенович? И вас вот так вот отпускают.

– Не просто так, но отпускают.

– Я не заметила, чтобы вы платили.

– Я и не платил.

– Конечно, позвонили по телефону начальству и вас отпустили.

– Примерно так.

– И где вы работаете?

– Можно просто Андрей. В больнице, где же еще.

– А в том районе, какими судьбами? Там нет больниц.

– Вы считает, что я должен бывать только там, где есть больницы? Странное отношение к врачам. Я живу не в резервации. Решил пройтись, день был сложный, – почему он дальше уточнять не стал.

– Работа, – сделала она вывод.

– Да, – ответил он коротко. Видя, что он не расположен к разговору, она замолчала, остаток пути они проехали молча.

Когда Андрей припарковал машину во дворе и оба вы-

шли, он включил сигнализацию и протянул Свете ключи.

– Спасибо, – искренне поблагодарила она.

– Это было не сложно, – улыбнулся он. Ей понравился его ответ, не банальный типа «не стоит благодарности», а вот такой, какой она слышала. И тут она снова сделала то, что даже в страшных снах ей не могло присниться. Видимо сегодня у нее был вечер необдуманных поступков.

– Я бы пригласила вас на чашку чая, но, наверное, дома хватятся, – спросила она с некоторой надеждой в голосе, что не права.

– Хватятся, – просто ответил он, чем огорчил ее.

– Жена, дети, – понимающе произнесла Света.

– Стандартное мышление. Хватится мой кот – Кузя.

– Стандартный ответ, что вы не женаты.

– Хотите, верьте, хотите, нет, паспорт показывать не собираюсь.

– Странно, но вы вызываете доверие.

– Я знаю.

– Даже так!

– А как бы лечил людей, не давая и не вселяя в них надежду.

– А кто ухаживает за котом, когда вас нет?

– Еду оставляю, а если задерживаюсь, то звоню соседке и прошу ее. У нее есть ключи.

– Тогда пошли, – предложила она.

– Не боитесь?

– Как ни странно, нет. Я видела ваше удостоверение Шу-хов Андрей Семенович.

– Хорошо, от чая не откажусь, но только приготовлю сам.

– Попробуйте, – и она направилась к подъезду, Андрей за ней. В квартире она указала ему на кухню: – Вот здесь заваривают чай.

– А где моют руки?

Она указала ему на ванную и он, вымыв руки, пришел на кухню, где Света уже разогревала воду.

Андрей взял чай, что она ему дала и когда вода вскипела, ополоснул чайник кипятком, засыпал чай и залил на три четверти. Пока чай заваривался, они сидели напротив друг друга.

– Смелая вы женщина. Приглашать незнакомого мужчину в дом.

– Смелая, – согласилась она, – но этот незнакомый мужчина вернул меня мне, не думаю, что он хотел втереться ко мне в доверие. Кстати, я так и не представилась, Светлана.

– Даже не думал втираться, но впредь не надо себя обзывать, найдите причину, чтобы себя порадовать.

– Попытаюсь.

Андрей встал, долил кипятком в чайник, налил немного заварки в каждую чашку, чуть прогрел их, вылил снова в чайник и затем уже налил заварки и кипятком.

– Конечно, кипятком наливать не следует, но мы не на востоке, – пояснил он.

– Если так долго колдовать, то и пить расхочется. Всегда так делаете?

– Когда есть время, тогда хочется получать удовольствие от процесса, да и себя занять.

Чашки были теплые, и аромат чая разнесся по кухне. Света поставила на стол вазу с печеньем и конфетами.

– Спасибо, я так, – ответил он на ее внимание.

– А ты, в какой больнице работаешь?

– В разных, – уклонился он от ответа. – По ситуации, и в частных тоже.

– Но где-то есть основное место работы.

– Есть, но тебе зачем?

– Если в разных больницах, значит ты хороший хирург.

– Надеюсь, что да.

Он явно был не многословен и не пытался расспрашивать ее, как и не рассказывать о себе.

– А тебя сильно удивило, что я пригласила?

– Удивило. Это был необдуманный поступок, тем более незамужней женщины.

– Почему решил, что я не замужем?

– Я это понял, когда ругала себя, а уж тем более, когда пригласила. Если замужем, то опасность, соседи увидят, все расскажут. Так стоит ли рисковать? Но я хочу попросить. Больше так не делай.

– Хорошо, – ей хотелось с ним соглашаться, а почему она и не задумывалась.

Андрей пил чай, но она видела, что его мысли заняты чем-то, о чем она не догадывается. Когда чашка была пуста, он сказал: – Спасибо за чай. Мне пора.

– К Кузе?

– И к нему тоже, – улыбнулся он.

– Как доберетесь?

Андрей посмотрел за окно, солнце уже зашло и сумерки опустились в колодец двора: – На такси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.